

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО СССР
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

ВЫП. XV

АФРИКА И АЗИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1973

С. А. Маретина

РОЛЬ ПРИРОДНОЙ СРЕДЫ В ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ЖИЗНИ ДАЯКОВ КАЛИМАНТАНА

Соотношение естественных условий труда и общества — вечная тема, стоящая перед человечеством на всем протяжении его истории. Существо зависимости между человеческим обществом и природной средой было впервые показано К. Марксом [1, стр. 523; 2, стр. 128] и получило дальнейшее развитие в трудах Г. В. Плеханова (который, правда, допускал в некоторых случаях преувеличение роли географической среды в развитии человека и общества) [8, стр. 608—615 и сл.]. В наши дни эта проблема привлекает внимание многих ученых. В современной географии положения Маркса общеприняты. «Человечество и биогеносферу можно представить себе в виде двух „вечных партнеров“, находящихся в постоянном взаимодействии», — пишет географ И. М. Забелин, который под «биогеносферой» понимает оболочку у поверхности земли, делающую возможным существование человечества [5, стр. 85]. Крупнейший историк современного Запада А. Тойнби ищет движущую силу общественного прогресса в «ответе» на «вызов» природной среды [20, стр. 68, 75; см. также: 4, стр. 26, 28]. Этнограф во главу угла ставит народ или племя как особый экологический тип со своей жизненной проблемой, которую этот народ решает в соответствии с присущим именно ему природным комплексом; на практике это означает, что существует большое количество типов и вариантов проявления подобного взаимодействия. Особенно непосредственно связь с географическим окружением выступает у народов, стоящих на ранних ступенях развития. В этом смысле плодотворный материал дают даяки — коренное население индонезийского острова Калимантан (Борнео).

Это крупнейший остров из Больших Зондских и третий по величине остров в мире (после Гренландии и Новой Гвинеи). Остров перепоясывается экватором, так что около двух третей его территории находится в Северном полушарии, а свыше трети — в Южном. По форме Калимантан представляет собой монолитный массив, слегка вытянутый на северо-восток, со слабоизрезанной береговой линией. Берега острова, топкие и болотистые, доступны только у устьев рек. Вдоль побережий Калимантана тянется низменная полоса, которая превращается на юге в обширную равнину; центр острова в значительной своей части гористый. Древняя горная цепь (средняя высота — 1500 м), разорванная ущельями многочисленных рек, пересекает остров с запада на восток, стеной отделяя северные области, которые в географиче-

ском отношении тяготеют к островам Сулу (Филиппины). На северо-востоке белеет вечными снегами высочайшая вершина острова — гора Кинабалу (свыше 4000 м), овеянная легендами и суевериями [16, стр. 1—4]. В отличие от большинства других островов Малайского архипелага на Калимантане нет ни одного действующего вулкана. Давно потухшие кратеры сглажены и не подают никаких признаков жизни.

С центральных гор стекают все основные реки Калимантана — главные жизненные артерии в этом царстве гор, лесов и болот. Рек на Калимантане много, как нигде, но большая их часть несудоходна. Перегороженные порогами, реки стремительными потоками вырываются из горных стремнин и затем широко разливаются в низменных областях, откладывая в руслах огромные валуны и кучи песка, затрудняющие судоходство. В широтном направлении, с востока на запад, течет Капуас — самая длинная (1143 км) река не только на Калимантане, но и во всей Индонезии. Другими крупными реками острова являются Реджанг, Барам, Барито, Махакам.

Климат на Калимантане экваториальный, влажный, со среднегодовой температурой, редко опускающейся ниже 26°. Как везде в тропиках, ночь наступает мгновенно, сразу после исчезновения сияющего солнечного шара. Наибольшее количество осадков приносит зимний, северо-восточный муссон, годовое их количество почти везде превышает 3 тыс. мм. Огромные пространства на Калимантане заняты непроходимыми топиями и болотами. В горах влажный тропический климат сменяется более умеренным. Избыток тепла и влаги вызывает невиданное богатство растительного мира, превращая остров в гигантскую оранжерею. По существу, свыше 80% территории острова (т. е. за исключением лишь культурных прибрежных районов) покрыто густыми влажными, а на значительной территории и заболоченными джунглями, среди которых только голубые ленты рек могут служить ориентирами и средством сообщения. По богатству флоры Калимантан занимает одно из первых мест в мире. Трудно перечислить даже основные растительные породы, которыми изобилуют калимантанские джунгли [15, стр. 150—151]. Здесь можно встретить до тридцати видов пальм — кокосовая, саговая, бетелевая и многие другие, железное дерево улин, древесина которого ценится исключительно высоко, хлебное дерево, бананы, дуриан, гигантские древовидные папоротники с листьями, превышающими по площади два метра, и множество других пород. Отдельные деревья-гиганты достигают сорока, пятидесяти и даже семидесяти метров высоты. Под уходящими в небо стволами, опутанными мхами, плаунами, орхидеями, стеблями лазящей пальмы ротанг, лианами и другими вьющимися растениями, густой кустарниковый подлесок не оставляет просвета, создавая мрачные, труднопроходимые дебри [17, стр. 74—75]. Здесь всегда темно, всегда влажно. Солнцу нелегко пробиться сквозь многоярусный зеленый покров, поэтому в лесах острова нет травы, нет цветов и ягод. Выше в горах появляются вечнозеленые тропические дубы, различные хвойные породы, а еще выше ослепляют цветочным нарядом пышные альпийские луга. Вдоль морских побережий и по рекам тянутся мангровые заросли — низкорослые деревья и кустарники, у которых при отливах обнажается сеть длинных воздушных корней.

Темные своды леса скрывают многочисленных обитателей. Лесной характер фауны Калимантана сказывается в обилии древесных и летучих зверей, к которым относятся прежде всего многочисленные породы обезьян, а также летучие мыши, ящерицы и др. Как и на Суматре, здесь обитает человекообразный орангутанг. На юге острова живут

двурогие носороги, а на севере еще изредка можно встретить слона [15, стр. 149—150]. Характерны для Калимантана тапиры, дикие буйволы, кабаны. Олени и дикие свиньи держатся поближе к рисовым полям. Из хищников наиболее распространенными являются древесный тигр и короткошерстный малайский медведь. В глухих многоярусных зарослях птицы не живут, и голоса их можно услышать лишь там, где кроны деревьев расступаются, давая доступ солнцу. Змей не слишком много, зато страшным бичом являются пиявки и бесчисленные насекомые (москиты, комары и др.) [12, стр. 56—61]. Реки и озера Калимантана населяют многочисленные породы рыб (среди которых преобладают карповые), часто встречаются крокодилы. В мангровых зарослях живут крабы и морские насекомые. Богаты омывающие остров морские воды, где можно увидеть морских черепах, китов, всевозможных моллюсков.

«Вещественный состав» географической среды, влияющий на конкретные черты материальной культуры, в первую очередь соприкасается с хозяйственной деятельностью человека [4а, стр. 44; 9, стр. 21]. Действительно, характер хозяйственной жизни даяков в значительной степени обусловлен природными возможностями территории их обитания, возможностями, которые они используют с большей или меньшей степенью активности.

Даяки занимают в основном внутренние районы Калимантана, куда они были оттеснены более поздними пришельцами — малайцами, бугами, яванцами и выходцами с других островов Малайского архипелага, а также китайцами. Слово «даяк», малайское по происхождению, обозначает жителей внутренних, высокогорных областей, «язычников» [11, 556]. Сами племена не пользуются этим словом как самоназванием, а обычно называют себя по той реке, бассейн которой они заселяют. Лишь на северной оконечности острова, входящей в Федерацию Малайзии, даяки расселены и на побережье.

Общая численность даяков составляет около 2 млн. человек [7, стр. 538 и 397], которые теряются на огромном пространстве острова (общая площадь острова 734 тыс. кв. км). Представлены они многочисленными народностями и племенами, многие из них изучены крайне слабо. Обычно даяков подразделяют на несколько территориальных групп, характеризующихся общими особенностями культуры и истории. У главных народов Центрального Калимантана — кайянов и кенья — в наибольшей степени проявляются специфические черты даякской культуры. Их деревни можно встретить в среднем течении больших рек острова. По соседству с ними живет множество более мелких племен — моданги, пнихинги, лонгвай и др. В более южных районах внутренней части острова, а также к западу от кайянов живет большая группа племен и народностей, ядро которой составляют нгаджу. К северу от них расселены от-даномы, также представляющие собой совокупность многих племен. Очень слабо изучены южнокалимантанские племена мааньян, лаванган и др. Западную и северо-западную часть острова (кроме побережий) населяют многочисленные мелкие племена, в западной литературе обычно называемые «даяки суши» (в противоположность «морским» — т. е. прибрежным даякам северной части острова). «Морские даяки» — или ибаны — самая многочисленная группа даяков северного побережья, где кроме них живут клемантаны, кадаяны, мелану, муруты, дусуны и многие другие, на жизнь и общественную структуру которых оказало влияние соседство с малайскоязычным населением побережий. Особую группу составляют племена бродячих собирателей и охотников — пунанов, кочующих в

глубинах тропического леса в верховьях рек Центрального Калимантана. Они, по всей вероятности, составляют одну из древнейших групп коренного населения острова [подробнее об этническом составе даяков см.: 7, стр. 538—539]. Одно это краткое перечисление основных групп даяков говорит о большой дробности и пестроте аборигенного населения Калимантана. Живущие в течение сотен поколений на своем острове, органически вписанные в его географические рамки, даяки многими особенностями своей экономики и материальной культуры обязаны воздействию окружающей природной среды.

В условиях влажного тропического леса основу хозяйства даяков (кроме бродячих пунанов) составляет подсечно-огневое земледелие. Даяки с помощью топора и огня расчищают земли, чтобы получить возможность вырастить необходимое количество суходольного риса. Заливные рисовые поля можно встретить лишь у даяков, живущих в прибрежных низинах.

Подсечно-огневое земледелие определяет уровень социального развития даяков, весь их образ жизни; для него характерна интеграция всех составляющих его элементов [19, стр. 79]. Порожденный условиями среды, подсечно-огневой способ в свою очередь оказывает воздействие на другие стороны жизни даяков — на характер поселения, формы распределения земли, на состав экономического обмена.

Рис в зависимости от ландшафта выращивается на склонах гор или на болотистых землях. При этом в каждом хозяйстве отдают предпочтение сухому, так называемому горному рису — из-за его вкусовых качеств и большей питательности [15, стр. 331]. В силу этих причин лучшим местом для пашни считается склон горы, спускающийся к реке: вековой опыт показал, что именно эта земля наиболее удобна, ибо наклонное положение облегчает дренаж и порубку; к тому же выход к реке очень важен в условиях лесного бездорожья. Процесс расчистки занимает около двух месяцев, так как эта трудоемкая операция производится вручную простейшими орудиями — топориками европейского либо местного типа. Начинают обычно с подлеска, который срезают на площади, имеющей вид вытянутого треугольника, причем самые толстые стволы подрезают с двух сторон со специально сооруженных помостов [16, стр. 99—105]. Тогда тяжелые стволы с вершин, падая по склону, увлекают все подрезанные деревья. Вырубка производится не только для расчистки поля, но и для того, чтобы дать доступ солнцу, свет которого заслонен крупными деревьями [18, стр. 78]. Правда, солнце способствует росту не только риса, но и сорняков, которые за самый короткий срок заполняют все поле. Около месяца лес сохнет, затем его сжигают, и зола остается тлеть в течение нескольких дней. Посев производится в эту, даже не смешанную с золой землю. Лунки, куда опускают семена, землей не засыпают — дождь сам прибавляет землю, а пал рассчитан таким образом, что непосредственно предшествует дождям. Планирование срока операций подразумевает точное знание природного календаря; переходя от одного этапа сельскохозяйственного цикла к другому, даяки ориентируются на многочисленные приметы, земные и небесные (так, ибаны строят свой календарь по Плеядам). Постоянство и повторяемость природных циклов облегчают расчет [14, стр. 57—58].

Не надо забывать, что поле находится в чаще леса, поэтому, даже подготовленное и засеянное, оно продолжает оставаться во власти этого леса. На поле налетают птицы, его топчут кабаны, совершают грабительские налеты обезьяны. Против птиц над участком протягивают веревочную сеть, укрепленную на бамбуковых столбах (то же встре-

чается во многих районах Индонезии) [16, стр. 100—101]. Конец веревки держит мальчик-сторож либо его привязывают к молодому деревцу, врытому в дно реки, и тогда сила течения приводит сеть в движение. От зверей поле ограждают с помощью изгородей, трещоток и т. д.

На поле наступают представители не только животного, но и растительного царства. С невероятной стремительностью в этом естественном парнике (открытом доступу солнца) растут дикие травы, которые грозят задушить посадку, так что прополка должна вестись постоянно и регулярно. Наконец, рис собран. На обычном ладанге (суходольном поле) рис может быть выращен один, максимум два года подряд; и дело тут не только в том, что земля, лишенная удобрений, быстро истощается: дольше пользоваться полем не дают сорняки. Но то, с чем не в силах справиться человек, делает природа: брошенное поле быстро зарастает лесом, и этот последний вытесняет расплодившиеся сорняки, которые не могут расти без света, так что через несколько лет поле оказывается пригодным для новой обработки под посев. После трех-четырех таких циклов поле приходится оставлять не менее чем на 15—20 лет, ибо земля окончательно истощается [13, стр. 32].

Земледельцы во многих поколениях, даяки стремятся наиболее рационально использовать отвоеванную у леса землю. Рядом с рисом (а иногда и смешанно с ним) они сажают различные культуры — огурцы, тыквы и др., которые должны служить подспорьем при недостатке или неурожае риса. Даяки заботятся об улучшении сортов риса и при каждой возможности стараются добыть новые сорта семян. Сам характер расчистки поля отражает приспособление к лесным условиям: каждый год к земле прибавляют небольшой участок, забрасывая наиболее старую часть прежнего, ибо семье, где обычно один взрослый мужчина, трудно сразу расчистить всю необходимую землю [13, стр. 30—31].

При всей трудоемкости подсечно-огневого метода в условиях Калимантана он оказывается наиболее целесообразным и доступным (при существующем уровне техники у даяков). Приложение труда при этом исчисляется в основном затраченным временем (расчистка постоянного поля требует более длительных усилий). К тому же налаженный у даяков обмен трудом в значительной мере облегчает работу [13, стр. 74—76; 18, стр. 85—90]. Подсечно-огневое земледелие имеет преимущество: оно не требует дорог — отсутствие рабочего скота и тяжелых орудий труда позволяет обходиться пешеходными тропами [19, стр. 26], т. е. оно дает возможность осваивать земли в условиях различных ландшафтов. Избыток свободного леса и достаточное количество естественной влаги также способствуют сохранению этого традиционного метода на Калимантане. Настоятельная необходимость смены подсечно-огневого земледелия более развитыми формами наступает тогда, когда рост населения приводит к сокращению необходимого количества пригодных под обработку площадей. Необходимо оговориться: возникающий при этом недостаток земли — недостаток условный, ибо при подсечно-огневом земледелии необходимым условием является наличие избыточного в абсолютном смысле количества земли. Соблюдение сроков отдыха земли обеспечивало восстановление плодородия почвы. Поэтому подсечно-огневое земледелие практиковалось в течение столетий, не угрожая целостности ландшафта, и опасность для последнего возникла лишь тогда, когда естественный баланс «человек — среда» в силу тех или иных причин (быстрый рост населения, эксплуатация чужаками и т. д.) оказался нарушенным, т. е. когда эксплуатация природы стала

переходить допустимые грани. Именно такова ситуация в горах Восточной Индии: здесь на протяжении ряда последних десятилетий рост населения интенсифицировал эксплуатацию горных лесов. Сокращение необходимых сроков отдыха земли повлекло за собой ухудшение качества лесов, что в конечном счете вызвало угрозу эрозии почвы и малоземелья [6, стр. 51].

Рассматриваемым районам Калимантана такая опасность пока не грозит. Средняя плотность населения здесь не превышает 10 человек (у ибанов, живущих наиболее плотно, 11—16 человек на милю [13, стр. 320]), в то время как, по подсчету Спенсера, максимальная плотность, не нарушающая ландшафт, составляет 50 человек на милю [19, стр. 15]. Экономические стимулы, которые вызвали бы смену традиционной формы хозяйства, у даяков еще не получили развития. К тому же смена формы земледелия — процесс очень сложный и длительный. Пример народов, которые в результате конкретных условий, как естественногеографических, так и социально-экономических, оказались перед необходимостью смены системы хозяйства, показывает, что это влечет за собой глубокие изменения во всей структуре общества [6, стр. 46—56]. Подсечно-огневое земледелие неизбежно сменяется более развитой производственной системой, т. е. земледелием орошаемым, интенсивным. Это потребует определенных экономических предпосылок: развития дорог, установления торговых связей между отдельными районами, создания условий для развития ремесла, образования, усовершенствования технических навыков и орудий и т. д. Пока же подсечно-огневое земледелие у даяков сохраняет за собой ведущую роль.

В задачи статьи не входит рассмотрение связанных с подсечно-огневым способом аспектов социальной организации и материальной культуры. Отметим лишь «аморфность и недокодифицированность земельного контроля» [19, стр. 77], вызываемые наличием не исчерпанных еще запасов свободных лесных площадей. Необходимость в строгом распределении земель возникает с ростом малоземелья.

Естественные условия труда даяков наложили отпечаток на характер поселений даяков. Селение состоит из одного или нескольких длинных домов, расположенных тесно друг к другу, недалеко от воды. Селения эти не разрастаются выше нормы, стихийно определяемой окружающими лесными площадями, эксплуатация которых не требует чрезмерного удаления от деревни. Даяки, как правило, не перекочевывают за новым полем, что свойственно многим мотыжным земледельцам. У них практикуется постройка временных жилищ на полях, где они проводят часть сельскохозяйственного года, особенно во время прополки и жатвы. Иногда это небольшая хижина, иногда — дома, меньшие, чем основной, но тоже длинные. Своеобразную форму приняла система временных жилищ у ибанов Саравака. У них длинный дом вмещает целую общину. На время сельскохозяйственных работ ибаны строят ряд временных длинных домов — дампа, в которых члены основного дома расселяются по признаку соседства полей. По мере удаления полей строятся дампа. По подсчетам Фримэна, за 15—25-летний цикл, который проходит до возвращения к оставленному на отдых полю, даяки проводят в основном доме не более четверти времени [13, стр. 33—35]. Таким образом, происходит своеобразное обособление (хотя бы частичное) земледельцев — даяков, жителей длинного дома.

Лесные условия Калимантана не дают простора для развития скотоводства: пастбища практически отсутствуют, кормов недостает, травы там, где они есть, очень грубы. У даяков почти нет крупного рогатого скота; они разводят главным образом свиней и коз, которые могут

существовать на подножном корму. Стада буйволов держат лишь даяки северного побережья, имеющие постоянные поля и использующие буйволов в качестве тягловой силы. Эти стада находятся в полудиком состоянии, но каждое животное имеет своего владельца, принадлежность которому отмечается зарубкой на ухе буйвола [12, стр. 202—203].

Особое место в жизни даяков занимает лес — лес, не расчищенный под пашню. Лес — это их мир, в лесу они строят свой дом, сеют рис, хоронят мертвых. Даяки умеют находить дорогу в любой чаще, перебираться через самые непроходимые пропасти, выслеживать зверя и собирать невидимые для других драгоценные дары леса. Лес дает даяку не только дополнительное питание (особенно усердно собираются дикорастущие корнеплоды и корни перед сбором урожая), но и ценные продукты. Это ротанг, даммаровая смола, камфора, мед и воск диких пчел, дикое саго, каучук, гуттаперча, растительное масло, съедобные ласточкины гнезда, ценные сорта древесины, многочисленные сорта дикорастущих фруктов (дуриан, рамбутан, дикое манго и др.).

Обычно в период затишья сельскохозяйственных работ, когда рис зреет на корню, а женщины занимаются прополкой и охраной посева, мужчины, как правило молодые юноши, еще не ставшие главами семей, покидают деревню и отправляются в поисках дополнительных доходов. Иногда такие походы длятся несколько дней, иногда — недели и даже месяцы. Уходят обычно небольшими партиями. Как правило, отправляются на лодках, которые затем, при углублении в лес, прячут у берега. У саравакских ибанов такие поездки приняли своеобразную форму так называемых «беджалай» (букв. «идти») — походов, цель которых не только в добыче, но и в приобретении некоторых социальных привилегий [13, стр. 74—76]. Беджалай — дело чести ибана: считается, что только совершивший беджалай имеет право нанести татуировку. Беджалай означает также поездки на побережья, на табачные и прочие плантации и даже на другие острова, но наиболее традиционная его форма — продолжительные походы в глубины тропического леса.

Продукты леса служат для даяков основным предметом обмена. В прежние времена доходы от их продажи шли в основном на покупку ценного семейного имущества — старинных медных гонгов и китайских фарфоровых сосудов, очень высоко ценящихся у даяков [16, стр. 60]. Теперь доход от обмена чаще всего предназначен на улучшение быта, причем по мере усиления связей даяков с другими народами их потребности стали быстро расти: теперь у даяка появилась потребность в деньгах, на которые можно приобрести товары, еще сравнительно недавно им неведомые. А источником денег являются в первую очередь продукты леса. В последние годы спрос на эти продукты быстро растет, так что через перекупщиков они попадают далеко за пределы Калимантана. Таким образом, эксплуатация леса становится для даяков товарным промыслом.

Даяки прекрасно осведомлены, какие именно продукты леса имеют наибольшую цену на внешнем рынке и кому что выгодно продавать. Ротанг отправляют на китайские базары в низовьях больших рек острова; из плодов этой пальмы добывают высоко ценящийся среди даяков краситель «драконова кровь» [16, стр. 154]. Очень сложен процесс добывания гуттаперчи: ствол дерева и часть ветвей особым образом окольцовывают, чтобы растительное молоко стекало в чаши из листьев [16, стр. 151]. Для добычи камфоры привлекают пунанов — бродячих охотников и собирателей, для которых лесной промысел и сейчас остается главным средством существования. Они умеют определять присутствие камфоры в стволе дерева по запаху [16, стр. 152].

Добыча камфоры — очень древний промысел, в то время как гуттаперча и каучук стали предметом специального собирательства сравнительно недавно — с возникновением спроса на европейском рынке. Мед и воск диких пчел собирают на скалах или, чаще, на высоких, до 30—40 м, гладкоствольных деревьях. Для того, чтобы взобраться на них, в ствол вбивают бамбуковые костыли, которые скрепляют ротанговыми веревками. Одной из важнейших статей лесного промысла является добыча съедобных ласточкиных гнезд, которые собирают в пещерах и по отвесным берегам лесных рек и продают китайцам [16, стр. 156] (вообще китайцы — едва ли не основные скупщики лесных богатств). Сбор гнезд производится обычно четыре раза в год. Права на владение пещерами с гнездами четко определены.

Лес для даяков является огромным заповедником дичи. Крупная дичь представлена кабанами и оленями всех видов — от самого крупного (сервус эквинус) до маленького канчиля (трагулюс напу). Охотятся даяки на носорогов, обезьян, дикобразов, тигровых кошек, медведей, крокодилов, птиц. Способы лова очень разнообразны, хотя в целом не слишком отличаются от приемов других народов Индонезии. На кабанов и оленей охотятся группами, с собаками; кабана бьют копьем, оленей ловят в петли, подвешенные к веревке, которая кольцом окружает местонахождение стада [16, стр. 144—145]. На птиц и обезьян даяки охотятся с помощью духового ружья — сумпитана с отравленными деревянными стрелами. Огнестрельные ружья встречаются редко. Очень широко распространены различные хитроумные ловушки, которых существует бесчисленное множество. Это замаскированные ямы и петли, западни у изгородей, окружающих рисовые поля, и на звериных тропах, ведущих на водопой, и многие другие. Опасные для жизни охотников ловушки со скрытым копьем уже давно находятся под строгим запретом. Любопытно отношение даяков к крокодилам. Специально на них даяки не охотятся. Но если крокодил съест человека, против него организуют карательную экспедицию, и тогда перебивают всех крокодилов подряд, пока не доберутся до преступника, в чем убеждаются, вскрывая жертвы. К пойманному крокодилу обращаются с длинной речью, сперва льстивой, затем издевательской, после чего убивают [15, стр. 57—60]. Однако не все даяки придерживаются этих правил. Крокодилова кожа ценится очень дорого, и некоторые племена специализируются на ловле крокодилов. Бьют их со специальных плотов, стараясь попасть гарпуном в глаз, чтобы не повредить кожу.

Наряду с лесом важнейшую роль в жизни даяков играет река. Как уже отмечалось, это основное средство связи в условиях лесного бездорожья и огромных расстояний острова. С дорогами на Калимантане дело обстоит хуже, чем на всех других островах архипелага: общая протяженность дорог на нем в шесть раз меньше, чем на Яве или Суматре. Обширные территории в центре вообще не имеют других дорог, кроме пешеходных. Узкие долбленные лодки даяков могут развивать удивительную скорость. Широкую известность приобрели лодки кайянов, хотя наиболее бесстрашными мореходами считаются прибрежные меланау. Маленькие семейные лодки изготавливаются из древесной коры за два-три часа [10, стр. 55]. Удивительное зрелище представляют собой длинные военные лодки, достигающие 50 м длины и вмещающие до 60—70 человек. Такие большие лодки принадлежат целой деревне.

Реки служат постоянным источником рыбы, и рыболовство практикуется очень широко. Главный улов дает речная рыба. Орудия лова даяков, как и охотничьи приемы, существенно не отличаются от тех,

которые можно встретить на других островах: это различные сети, ловушки, запруды. Распространена ловля удочкой; дусуны морскую рыбу бьют копьем. Даяки шире, чем другие народы Индонезии, практикуют отравление рек. В качестве яда используют корень растения туба. Обычно жители нескольких деревень проводят лов совместно.

Из ремесел развитие получили в первую очередь те, сырье для которых можно найти на острове. Так, у большинства даяков развито ткачество, причем у ряда групп до сих пор употребляются древесные нити; пунаны изготавливают ткань из тапы — древесной коры. Красители используются исключительно естественные. Все даяки изготавливают плетеные изделия из узких двухмиллиметровых полосок ротанга или бамбука. Постепенно вытесняются покупными изделиями старые глиняные сосуды, которые даяки делали из местного сырья, полировали и глазурировали. Лишь искусство резьбы по дереву, в котором даяки достигли больших высот, не испытывает на себе губительного влияния импорта. Свидетельством тому являются артистически украшенные весла и носы лодок, деревянные военные щиты, рельефные украшения на домах. Многие даяки являются прекрасными резчиками по кости гиббона и сленя, из нее они изготавливают рукоятки ножей и ножны.

Перечисленными видами занятий не исчерпывается все многообразие укладов бесчисленных племен аборигенов Калимантана. Для даяков побережий следует уже говорить об иных формах хозяйства, что имеет своей причиной как природные условия, так и этническое окружение. Например, келабиты Саравака, занимающие самую высокогорную область острова — открытое плоское плато, возделывают влажный рис на постоянном поле [10, стр. 90]. У северных меланау, расселенных по устьям рек, распространена культура заливного риса: рисовые поля устраивают в низменных поймах, где их заливают реки и дожди во время паводка. Некоторые северные даяки по примеру прибрежных соседей пользуются для обработки поля плугом и тягловым скотом (пример дусунов) [16, стр. 97—99].

Итак, даяки, на протяжении столетий замкнутые в труднопроходимых джунглях, выработали свой особый уклад жизни, в наибольшей степени соответствовавший их природному окружению. Хозяйственная деятельность даяков наиболее рациональна в существующих экологических условиях. Мы можем говорить о системе хозяйства у даяков, ибо отдельные стороны хозяйственной деятельности, отдельные элементы этой системы органически связаны и интегрированы. Зависимость хозяйства даяков от природного окружения обусловлена экономической необходимостью, ибо подсечно-огневой способ земледелия не создает избытка урожая, который мог бы быть использован в качестве средства экономического обмена, и тем самым источником для этого обмена, роль которого с каждым годом возрастает, служат дары леса [19, стр. 48, 72]. Со сменой формы хозяйства, с переходом к постоянному орошаемому земледелию эта связь неизбежно окажется нарушенной: не будет возможности регулярно и надолго отлучаться, ибо налаженное орошение требует постоянного контроля. Главное же — теперь само земледелие создает дополнительные ресурсы, которые могут быть использованы для обмена: культивация специализированных товарных посевов на постоянном поле, создавая более надежный и гарантированный фонд обмена, постепенно вытесняет специализированное собирательство. Это подтверждает опыт многих народов, сменивших подсечно-огневое земледелие на орошаемое постоянное земледелие.

Описанная хозяйственная система даяков, функционирование которой связано в первую очередь с максимальным использованием воз-

возможностей природной среды, обеспечивает аборигенам Калимантана определенное место в общей экономике страны: роль эта состоит в освоении недоступных пока для более высокоразвитых хозяйственных операций ландшафтов и введении в рыночный оборот предоставляемых природой даров.

1. Маркс К., Заработная плата, цена и прибыль,— К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 16.
2. Маркс К., Капитал, т. 1,— К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 23.
3. Альбрут М. И., Марксистско-ленинские теоретические основы экономической географии, Челябинск, 1971.
4. Белявский А., Challenge and response или способ производства?— «Природа», 1971, № 12.
- 4а. Гумилев Л. Н., Изменения климата и миграции кочевников,— «Природа», 1972, № 4.
5. Забелин И. М., Физическая география и наука будущего, М., 1970.
6. Маретина С. А., Взаимоотношение естественных условий труда, хозяйства и общественного строя у горных народов Северо-Восточной Индии,— «Народы Азии и Африки», 1971, № 6.
7. «Народы Юго-Восточной Азии», М., 1966.
8. Плеханов Г. В., Избранные философские произведения, т. 1, М., 1956.
9. Покшишевский В. В., Взаимодействие географии и этнографии с древности до наших дней,— «XIII Международный конгресс по истории науки. Секция № 10. История наук о человеке», тезисы, М., 1971.
10. Arnold G., Longhouse and Jungle. An Expedition to Sarawak's-Gravenhage — London, 1959.
11. «Encyclopaedie van Nederlandsch-Indië», 2 druk, d. 1, 1917.
12. Evans L. H. N., Among Primitive People in Borneo, London, 1922.
13. Freeman J. D., Iban Agriculture, London, 1955.
14. Geddes W. R., The Land Dyaks of Sarawak, London, 1954.
15. Gomes E. H., Seventeen Years among the Sea Dayaks of Borneo, London, 1911.
16. Hose Ch. and Mc Dougall W., The Pagan Tribes of Borneo, vol. I, London, 1912.
17. Miller C., Black Borneo, London, 1946.
18. Province J. H., Cooperative Ricefield Cultivation among the Siang Dyaks of Central Borneo,— «American Anthropologist», 1937, vol. 39, № 1.
19. Spencer J. E., Shifting Cultivation in Southeastern Asia. University of California, 1966.
20. Toynbee A. J., A Study of History. Abridgement of volumes I—VI by D. Somervell, London — New York — Toronto, 1946.